
Образ языка в дискурсах этнолингвистической изтнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев

Зоя Резанова

Томский государственный университет

Аннотация

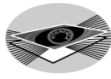
В статье представлен анализ дискурсов этноязыкового самоопределения современных шорцев, компактно проживающих в Горной Шории на юге Западной Сибири. Материалом для анализа послужили записи 24 направленных интервью. Данные интервью позволили выявить систему оценок современными шорцами функциональности шорского языка с 30-х годов XX в. по настоящее время. Современный шорский язык может быть охарактеризован как язык семейного общения, шорский язык оценивается современными шорцами как родной, и этот статус определяется выдвиганием в качестве базовой функции маркера этнической идентичности, которая, в свою очередь, опирается на актуализацию эстетической функции, реализуемой прежде всего в современных центрах шорской культуры.

Ключевые слова: шорский язык, херитажный язык, этнокультурная идентичность, дискурсы этноязыкового самоопределения

© Зоя Резанова

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial-ShareAlike» \(«Атрибуция-Некоммерчески-СохранениеУсловий»\) 4.0 Всемирная](#)

<http://interface.ntu.edu.tw/> or <http://interface.org.tw>

The image of language in the discourses of ethno- linguistic and ethnocultural self-identification among modern Siberian Shors

---

ZOYA REZANOVA

Tomsk State University

Abstract

The article presents an analysis of the discourses of ethno-linguistic self-determination of modern Shors, living compactly in Gornaya Shoria in the south of Western Siberia. The material for the analysis consisted of 24 directed interviews recordings. These interviews made it possible to identify a system of assessments of the Shor language functionality by modern Shors since the 1930s until the present day. The modern Shor language can be characterized as the language of family communication, the Shor language is perceived by the modern Shors as a native language, and this status is determined by the promotion of it as a basic ethnic identity marker, The advancement of this function, in turn, is based on the actualization of the aesthetic function, which is realized primarily in modern centers of Shor culture.

Keywords: Shor language, heritage language, ethnocultural identity, discourses of ethno-linguistic self-determination.

© Zoya Rezanova

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/).

<http://interface.ntu.edu.tw/> or <http://interface.org.tw>

Образ языка в дискурсах этнолингвистической изтнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев

Исследования дискурсов межэтнических, межкультурных, как следствие – межъязыковых отношений, как представляется, не утратят своей актуальности, пока этническая идентичность будет входить в сознание современного человека наряду с другими социальными самоидентификациями – гендерной, профессиональной, субкультурной и под., влияя на модели его многоаспектной социальной реализации.

Разделяя положения современного критического дискурса-анализа о глубинной внутренней переплетенности социальных и дискурсивных практик (Fairclough, 1992, p. 64), согласимся и с мнением о том, что «решающим в проявлении этнической идентичности (этничности) выступает... не набор “вещественных” признаков (фенотипические характеристики, язык, культурные особенности, религия), а то значение, которым эти признаки нагружаются в процессе социальной коммуникации» (Малахов, 2000, с. 78). Дискурсивная актуализация идентичности может опираться на систему неосознанных предпочтений и выборов, сформированных на протяжении жизни в системах социальных групп, но в то же время стимулировать ее осознание, что позволяет определить идентичность как «осознанное принятие на себя индивидом социальных норм, правил, культурных реалий и других характеристик, позволяющее ему воспринимать себя в качестве члена той или иной общности и отличать от представителей других групп» (Куруленко, Нефёдова, 2014, с. 231).

Современный человек, пребывая в среде многослойных и разнонаправленных социальных коммуникаций, испытывает

все усиливающее воздействие манипулятивных стратегий институциональных дискурсов с их внутренней поливариантностью и пересечениями, в пространстве которых все большее значение приобретает гибридные структуры современной медиакommunikации. В среде конвергентного радио, телевидения, в социальных сетях этническая (этнокультурная, этноязыковая) принадлежность может транслироваться личностью и как аспект институциональный, и как факт частной жизни. Мы полагаем, что исследование соотношения таких потоков имеет большое значение не только для понимания эффективности конструирования моделей идентичности, применяемых технологий, но и для осознания вариантности, динамичности формируемых в поливариантных пространствах картин мира современного человека, места языковой и этнокультурной самоидентификации в формируемых моделях мира, см., например, анализ таких процессов в работах Ермоленкиной и Костяшиной (2013), Резановой (2013).

Однако, как представляется, такого рода исследования могут получить существенное дополнение в работах другого типа, обращенных к изучению персональных и институциональных дискурсов человека, в среде которых человек проживает значительную часть своей жизни и следы которых он никогда не транслирует в коммуникационные пространства социальных сетей. Такого рода дискурсы могут быть выявлены и описаны в ходе специальных полевых исследований, базирующихся на практиках стимулирования тематического дискурса идентичности исследователем.¹

В данной статье представлены результаты анализа дискурсов этнокультурного и этноязыкового самоопределения шорцев, компактно проживающих в Горной Шории на юге Западной Сибири.² Конкретным материалом послужили записи 24 направлен-

---

1 В терминологическом противопоставлении личностных (персональных) дискурсов мы опираемся на работы В.В. Карасика (2004), термин «тематический дискурс» – используем в соответствии с его определением в работах И.В. Силантьева (2006).

2 Местами компактного проживания шорцев является юго-восточный угол Западной Сибири, главным образом – юг Кемеровской области (Таштагольский, Новокузнецкий, Междуреченский, Мысковский, Осинниковский и другие районы), а также некоторые смежные

ных интервью с жителями, осознающими свою этническую принадлежность как шорскую, в полевых исследованиях, проведенных в 2017-2019 гг. в Горной Шории.³

Интервью проводилось на основе двух разнонаправленных и в то же время соотнесенных анкет. Социолингвистическая анкета, разработанная О.А. Казакевич, включает вопросы о времени и месте рождения, проживания, уровне и направленности образования, характере профессиональной деятельности, особенностях приобретения и использования языков собеседника и его ближайших родственников как по восходящей, так и нисходящей линиям родства (Казакевич, 2006). Анкета языкового опыта, разработанная на основе Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) (Marian, Blumenfeld & Kaushanskaya, 2007), позволяет получить информацию о системе субъективных оценок собеседником активности использования, порядка усвоения языков, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации в разные периоды жизни, уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков, и т.д. Направленное интервьюирование – важная, но не единственная часть материалов, полученных в экспедициях, существенный объем которых составляют также беседы на свободные темы, которые при этом зачастую возвращаются к тематике шорского самоопределения и культуры.

В настоящее время подкорпус записей устных интервью и бесед с шорско-русскими билингвами включает около 40 часов звучания, нашими собеседниками были 24 жителя Горной Шории,

---

районы Хакасии и Республики Алтай, Красноярский и Алтайский края. Численность шорцев, компактно проживающих в Кемеровской области, согласно данным Переписи населения 2010 г., представленной на сайте Федеральной службы государственной статистики, составила 10 672 человек. (Проверено 27 июля 2020 года, из https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf). В проекте анкетирование шорско-русских билингвов проводилось в местах компактного проживания – в г. Таштоголе и пос. Шерегеш и прилегающей деревне Суета.

³ Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

возраст которых – от 32 до 81 года. Уровень образования наших собеседников разных возрастов варьируется от начального до высшего, в том числе филологического со специализацией в области шорского языка и литературы.

Ранее нами было охарактеризовано влияние разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики в исследуемых территориях (Резанова, Темникова, Некрасова, 2018), см. также (Артёменко, Буб, 2019). Языковая ситуация в регионе характеризуется как несбалансированная с абсолютным доминированием русского языка во всех сферах жизни.⁴ Во второй половине XX века шорский язык переместился в сферу домашнего и дружеского общения, замещаясь со все нарастающей интенсивностью во всех разнотипных социальных коммуникациях русским языком, обретая черты херитажного языка, в другой терминологии – эритажного, наследованного языка, наследуемого языка, языка семейного наследия, языка семейного общения. О терминологическом обозначении данного феномена, см., например, работу (Азимов, Щукин, 2018, с.18). В конце прошлого и начале нового XXI века деструктивные тенденции наблюдаются и в сферах семейного общения: язык поддерживается в семейном и дружеском общении как правило членами семьи старшего поколения (70-80-ми летними бабушками и дедушками). Однако данным деструктивным для языковой реализации факторам противостоят новые тренды языковой политики в Российской Федерации. В регионе реализуются традиционные способы актуализации этнокультурной идентичности в современных государствах с несбалансированной языковой ситуацией, ведущим среди которых является стимулирование использования языка в сфере культуры и дополнительного образования. Современные шорцы имеют возможность актуализировать и транслировать свою языковую и культурную идентичность: действуют культурные сообщества, ансамбли народного творчества, центры культуры, музеи, телевизионные передачи на шорском языке, в том числе

---

⁴ О противопоставлении типологически релевантных признаков см., например: (Кожемякина, Колесник и др., 2006, с. 266).

адресованные детям (например, переводные мультфильмы на шорском языке).⁵ Значительным фактором, способствующим повышению национального самосознания, является и интерес мирового научного сообщества к шорскому языку и культуре. В исследовательскую экспедиционную работу шорцы вовлекаются и как информанты, и как активные аналитики, занимающиеся изучением и сохранением своей культуры и языка. Многие из наших собеседников были участниками народных коллективов, общественных организаций, для которых дискурсы национального самоопределения могут быть охарактеризованы как среда их повседневного существования, а обсуждаемые в интервью или в свободных беседах вопросы зачастую были глубоко и разносторонне отражены нашими респондентами.

Непосредственным предметом нашего анализа является образ шорского языка в дискурсах этнической идентичности шорцев. Интервьюирование и беседы были направлены на прорисовывание как некой объективированной картины современного положения шорского языка и культуры, так и системы его субъективных оценок нашими собеседниками.

1 Шорско-русский ранний естественный билингвизм

Как было отмечено ранее, нашими собеседниками были шорцы разных возрастов, при этом все они отмечают активное сокращение не только сфер социальной коммуникации, но и, что гораздо более показательно, – активности использования шорского языка в семейном общении. Рассуждения наших собеседников о временных границах и социальных условиях

---

⁵ В регионе действуют общественные организации, деятельность которых направлена на поддержку, развитие шорского языка и культуры («Совет старейшин шорского народа», Общественная организация шорского народа Таштагольского района «Таглыг Шор» (Горная Шория), Общественное движение «Междуреченское общество коренного населения «Алтын Шор» (Золотая Шория), Мысковское городское общественное движение «Шория» и др., 17 коллективов песенного и хореографического творчества, 4 музея шорской культуры (Мысковский историко-этнографический музей, Музей этнографии и природы Горной Шории, Шорский этнографический музей «Тазыхан», Этнографический музей под открытым небом «Тазгол» и др.

деструктивных процессов в системе шорской коммуникации позволяют говорить о трех возрастных группах шорцев, имеющих существенные различия в языковом опыте: первая – до 35 – 40 лет, вторая – от 40 до 65 лет, третья – от 65 и старше. На протяжении жизни нескольких поколений шорцев произошло принципиальное изменение в положении шорского языка в билингвальной паре от шорско-русского билингвизма к русско-шорскому, при котором этнический язык является вторым, изучаемым. Ситуация шорской монологической коммуникации упоминается собеседниками как возможная в речевой практике дедов представителей третьей возрастной группы, современных 70-80-летних шорцев. Современные 70-80-летние, отчасти 60-летние шорцы могут быть охарактеризованы как ранние шорско-русские билингвы. В языковой паре этнический язык был первым, функционирующим как бытовой, семейный. Наш шестидесятипятилетний собеседник вспоминает: *Вот, с бабушкой токо на шорском. Там никакого русского, и то... ну, она, ну, скорее всего, мож, понимала, но не говорила. – Э-э-э, с родителями? – На шорском. На шорском тока. Потому шо как эт, с, со старшим не будешь же разговаривать, например, пришёл и по-русски давай, это, чесать?* (В.П., с, 3).⁶

Практически все информанты, жившие в детстве в деревнях, вспоминают, что либо совсем не говорили до школы на русском языке, либо владели им в незначительной степени, что естественным способом предопределяло трудности в обучении, которое велось уже только на русском языке: *И вот, по-русски не меем говорить. Учительница учит, грит, вы, девочки, туда будете ходить и их учить. Вот они приходили и с нами разговаривали. Вот так выросли. А потом школа перевели, а учительница, Клавь Степанна, карандашом писала контрольная, диктант. Мы только обводили, она сама раздаст* (В.С., нс, 3); *Э. пошла в школу ... мм*

---

6 Фрагменты транскриптов интервью и бесед не редактируются, сохраняют особенности спонтанной разговорной речи наших собеседников. В соответствии с соглашением об анонимности мы не приводим в публикациях персональные данные респондентов, фрагменты диалогов сопровождаются обозначением инициалов их имен и отчеств, возрастной группы (1 – до 40 лет, 2 – от 40 до 65, 3 – от 65 и старше), уровня образования (в – высшее, нв – неполное высшее, с – среднее, н – начальное). В диалогах реплики информантов даются курсивом, реплики также анонимизированных интервьюеров – основным шрифтом, разграничиваются тире).

с семи лет ... э-э Шорский язык знала ... э-э ... хорошо, ... ну я, ... э русский не знала. Када в школу я приехала в поселок ... русский не знала, училась, вот мне надо было, я в феврале приехала, когда мне шесть лет исполнилось ... и мне надо было выучить до сентября месяца ... мм ... русский язык (В.Ф., с, 2).

По воспоминаниям наших собеседников, своеобразным водоразделом в функционировании шорского языка стал 1939 год, когда язык утратил статус официального регионального и переместился из позиции языка преподавания в позицию второго изучаемого языка: *Поначалу-то в деревнях как бы преподавали на шорском. Ну, как говорили, что язык очень тяжёлый был, ну, это, и... Вот, и они хотели сделать автономию, поехали в Москву. Вот, поехали в Москву. И потом этих людей, они пропали без вести. (Г.П., с, 3); В 39 году ликвидирован был шорский язык, и все учебники, всё изолировано было, и поэтому... – Запретили? – Да, не было вообще (Е.Н., в, 2).*

Результатом явилось вытеснение языка в сферу устной бытовой семейной и дружеской коммуникации, несформированность навыков письменного общения, которое формируется в практике школьного преподавания. Вспоминая своих родителей (... они хорошо знали шорский язык, то есть дома на шорском разговаривали), наша респондентка говорит: *Я поэтому такой, бытовой [знаю], потому что уже не пришлось учиться в школе на шорском языке. Хотя вот раньше обучали, а уже мне не досталось (М.А., в, 2).*

Наши собеседники отмечали, что их родители принимали решение отказаться от родного языка и в семейном общении для повышения уровня владения русским языком в школе, что, в свою очередь, рассматривалось как основа успехов в обучении, в процессах социализации вообще: *Вот я от них-то и научилась [от родителей – шорскому языку], хотя им сказали меня не учить, потому что у меня сестра старшая пошла в школу, вообще русский не знала, она тока на шорском говорила. Мне.. мне сказали...и учительница*

I N T E R F A C E

сказала: «Зою не учите» (З.И., с, 2); *И дома, и везде, и мама, и папа, они, это, говорили только на шорском языке. А с нами, я говорю вот, в школе эти, учителя родителям говорили, чтоб не разговаривали дома, чтобы. Боялся, что мы не сможем учиться, если будем разговаривать на шорском языке, то есть потом уже русским будем плохо обладать, и не сможем учиться* (Г.П., с, 3).

Функциональное сужение шорского языка мотивировалось и бытовым национализмом: *Может быть, было когда время же и запрещали, и как-то стеснялись, а потом... ну, вот моя тетя, ей сколько, пятьдесят, наверно, 49 лет, это вот она рассказывала, как в молодости она училась в Новокузнецке, не знаю, она говорит, такой национализм был, и русские там и обзывались, и как-то, говорит, мы стеснялись общаться...* (Н.П., в, 2). Еще более эмоциональное отношение к этому выражает другой собеседник: *А вот это, ну как-то, почему-то презирали. А почему, не знаю. Ну чё тут такого, ну и что, что я шорка? Ну и что? Ну чё тут такого? Вы-то, остальные-то все приезжие. Это же считай, что это моя Родина, здесь родилась* (В.В., с, 2).

Таким образом, прежде всего перевод школьного образования на русский язык послужил причиной формирования социально и культурно обусловленного шорско-русского двуязычия с функциональным разделением на бытовое / социальное общение.

И в дальнейшем традиция семейного общения на шорском языке поддерживалась преимущественно, но не исключительно, по линии восходящего родства: *Бабушка всегда мне говорила: «Так! Говори ... на своём языке», – она говорила. И поэтому там хочешь – не хочешь, а говорила. – А с родителями тоже, получается, по-шорски? – Да, да. – С дядями, тётями? – Ну, где русский, где шорский. Там вот так, смешанно, так сказать. – С братьями, сёстрами? – Ну, они у меня... Брат у меня на шорском. Он и любит тока на шорском»* (З.И., с, 2).

2 Язык семейного общения

Охарактеризованные процессы, проходившие в 40-60-е гг. XX в. прошлого столетия, привели к тому, что большинство шорцев среднего поколения (40 – 65-летних) осуществляли на протяжении жизни своеобразный дрейф от раннего шорско-русского билингвизма к русско-шорскому через закрепление за шорским позиции херитажного языка, функциональность которого ослаблена: *Время, время, это, язык уходит, потому что, да, эта, эта единицы сейчас вот.... вот это поколение тридцатых, сороковых годов, оно еще знают, а вот ну примерно до 73 года, ... а вот после 73, ну, максимально до 77 года, еще могут понимать. Некоторые еще отдельные слова говорят, разговаривают, а, а после 77, 89 год – они уже почти вот не понимают языка, даже люди, которые, это, с 41, с 42 года уже полностью, это перешли ... на русский язык (С.Г., в, 2).* Эти общие рассуждения о ситуации дополняет собеседница, вспоминая свой собственный семейный языковой опыт того времени: *Ну, в семье родители с нами общались на русском языке, а родители между собой и среди своих родственников общались на шорском языке. Может быть, из-за этого я знаю. Бабушки приезжали, тоже они как бы общались на шорском языке. То есть я как бы их разговорную речь понимала. ... ну не заставляли же нас разговаривать. – Они к Вам обращались по-русски? – Да даже по-шорски обращались, мы на русском языке отвечали (Н.П., в, 2).* Характеризуя современную ситуацию, собеседники отмечали маргинальность общения на шорском языке и называли прежде всего 80-летних в качестве образцовых носителей шорского языка: *Последнее время поймал себя на мысли о том, что эта я стал многие слова шорские забывать, а а общаться не с кем, это вот, и вообще по городу, если по... пойдешь, эта, то с носителя языка редко где встретишь ... вот когда встретишь таких людей, которых это на шорском языке разговаривают, вот тогда, это, у меня начинается э пир (М.Н., н, 3); Родственники там рядом вон живут, знакомые тоже, в нашем, где я живу, дворов шесть-семь, наверно, шорцев вон живет. Там одна бабушка, тетя Аня, она тоже по-шорски,*

это, хорошо говорит, этот. – А сколько ей лет? – *Так, ей, наверно, за восемьсят* (Г.М., с, 2).

Яркой чертой функциональной несбалансированности является дискурсивная и тематическая ограниченность общения шорцев на материнском языке. Так, на вопрос о темах семейного общения наш информант отвечает: *По-шорски обычно чисто бытовые, нэ. Ну, чё сделать, куда сходить и... чё варить, чё варить будем, какую работу сделать, эт* (В.П., с, 3).

В качестве значимого проявления функциональной несбалансированности отмечается существование современного шорского языка в сфере устной бытовой коммуникации. Так, например, наша собеседница, замечая, что владеет шорским языком с рождения (*Ну с... с рождества, как говорится! С рождения*), – подчеркивает, что практически не читала на шорском: *Мы не читали. Всё на русском. У нас в школе, в школе не преподавали* (Л.А., с, 2). По свидетельству наших информантов, навыки письменного общения формировались позже, иногда значительно более поздно, нежели на русском языке: *О, это, читать я начал тока с восьмого класса на шорском, потому что... – Там четырнадцать-пятнадцать ? – Да-да. Дело в том, что у нас было как, появилось э-э после восемьдесят пятого года, там пошел дух возрождения шорского народа* (С.Г., в, 2); *Примерно сколько Вам лет было, когда Вы начали читать? – Таак... Примерно, этот, так... Наверно, тридцать лет, вот. Я в центр пришла работать в тридцать шесть мне было лет* (Г.М., с, 2). И впоследствии чтение на шорском занимает весьма периферийное место в системе коммуникации наших респондентов: *А не читали! Ну, читать-то могу, конечно. Где... её, нету литературы-то шорской* (М.Н., н, 3); *А читать по-шорски когда начали? – Ну, вот читать, конечно, уже вот в... после, наверно, двадцати пяти, да, после двадцати пяти осознанно я как бы это, было только разговорная, такая языковая речь* (Е.Н., в, 2).

Также и письмо на шорском осмысливается скорее как потенциальная

возможность, нежели реальный тип коммуникации: *На шорский яз..., этот... шорское слово-то могу написать, но... а буквы-то будут русские всё равно.* – Ну, Вы же по-шорски всё равно пишете? – *А, ну, слова-то буд... шор, этот...* – Шорские. – *Понимание-то шорское будет* (М.Н., н, 3); *И пишете... не пишете, да, на шорском? – Нее... у нас, этот, нет. Писанины, по-моему... А, нет, вообще-то, это, пишут же на шорском, этот вот, книги, эти, этот вот. Раньше, по-моему, в газете печатали даже* (Г.М., с, 2). В условиях, когда практически отсутствует жизненная необходимость владения навыками чтения и письма на шорском, в большинстве случаев эта деятельность определяется только личными мотивациями. Навыки обретаются в системе самообучения, успеху на этом пути способствует совпадение основной части графической системы русского и шорского языков, а препятствием – наличие дополнительных начертательных вариантов графем, отражающих особенности шорской фонетики: *А когда взялась читать, то есть там есть бывает шорские буквы, если там не поставлен н или с хвостиком произношение на шорском, то не понятно, о чем там написано, а вот уже стала сама работать, читать, конечно, мне уже стало это все понятно, это надо прочитать, посмотреть, осмыслить* (Р.С., в, 3).

Еще одним осложняющим моментом в овладении навыками чтения, по мнению наших респондентов, является диалектное варьирование шорского языка. Письмо может отражать фонетико-фонологическую структуру одного из диалектов, что затрудняет чтение, а расхождения в лексических составах – понимание смысла написанного текста носителем другой диалектной формы шорского языка: *А Вы читаете на шорском языке книги? – Читать, ...да, я, э, вот, читаю я, вот, раньше Максим Никитич, вот ещё, писал «Красную Шорию», ...я спокойно читал. А вот, ээ, верхмрацкие щас, ээ, перешли же на верх, ...ээ, мрасский как бы говор. Э, я его, мне надо его прочитать два-три раза, нэ. Шобы, ээ...Сложновато. Но, ф-ф, понятия. Вот, в общем, мы говорим, тут так разговариваем, а чилису-анзаские и верхмрасские, они маленько по-другому, нэ. Ээ, ну... ну* (В.П., с, 3).

Таким образом, дети современных 60-летних, рожденные в 70-80-е гг. и позже, начали свое языковое существование уже в русской языковой среде. Приведем фрагмент беседы, содержательный аспект которой является типичным: А вот если мы вот про семью тоже будем говорить, то получается, что, вот когда дети появились, вы с ними стали на русском говорить? – *Вот тоже вот русская такая среда была в семье.* – Да? Это, вот, с какого примерно времени? – *Ну я всё... в семьдесят шестом первого родила, но как-то всё равно на русском, всё время на русском говорили* (Н.Н., с, 2). И вследствие этого, идентифицируя себя как шорца, в качестве родного наши собеседники обозначают русский язык. Так, отвечая на вопрос о родном языке отца, наша собеседница 36 лет, отмечает, что отец говорил на кумандинском диалекте шорского языка, а затем его переучили на русский, и далее продолжает: *Я, получается, полностью родилась уже на русском языке. ...Ну, получается, у меня русский язык родной.... Да. А шорский язык, вот, поступила когда...[в институт] так вот... учила* (Т.А., в, 1).

3 Шорский язык в ситуации русско-шорского учебного билингвизма

В этом поколении шорцев преобладающим является уже русско-шорский билингвизм, при котором русский язык является первым материнским языком, а шорский – вторым, изучаемым. Так, например, на наш вопрос о владении шорским языком 40-летняя информантка отмечает, что понимает шорский, но не говорит на нем и изучала его в период обучения в Новокузнецком педагогическом институте: *На...на шорском языке нет, но эти девочки помогали, допустим, перевести какой-то текст или составить какое-то предложение, соблюдая грамматику шорского языка.* – Да, да, да, и вот Вы на занятиях, вот там, как латинский язык, как английский язык, Вы его так же изучали, да? – *Да, да.* – И отвечали, переводили? – *Да, читали, переводили, записывали, заучивали слова, изучали грамматику, составляли там предложения согласно вот грамматике шорского языка* (Н.П., в, 2). Изучение шорского языка как

неродного в настоящее время характерно и для преподавания на факультативных курсах в школах, в кружках центров шорской культуры: *Здесь, в интернате, с девяностых годов начали вести уроки. Они были как, как уроки, как иностранный язык введён три часа в неделю, а потом постепенно, постепенно, щас во внеурочку... перевели* (Н.П., в, 2).

И преподаватели осознают эти новые позиции изучаемого шорского языка в современных школах, необходимость подготовки новых учебников, ориентированных не на носителей шорского языка как родного: *Ну, вот они есть, да, то есть вот учебники, словари...? – Это... это...это в основном старые учебники, это ориентированы, это девяносто, начало двухтысячных, это ориентировано на детей, которые владеют родным языком, а надо щас уже переменять* (Т.А., в, 1).

У данной группы респондентов функциональная несбалансированность может быть охарактеризована как прямо противоположная по отношению предыдущей группе: в практике обучения в школах, в центрах культуры, в институте письменная коммуникация занимает ведущее положение: *А читать, писать на шорском у вас как? – Да, ну, это я мо... могу. У меня как раз-таки и письменный лучше, чем... – А... Потому что оно... – Академический как бы у вас, да? Вы учились в университете? – Да, письменный, грамматика лучше, чем вот устный* (Т.А., в, 1); *На этой волне у нас там появилась, появился кружок шорского языка, это. Учительница Людмила Петровна Кирсанова, она в первый раз показала нам, мне, для меня, там несколько людей, человек пятнадцать, наверное, шорцев, шорцев ходило на этот кружок, и эта вот тогда я познакомился первый раз это с шорской письменностью* (С.Г., в, 2); *Чтение? Вы можете, но не читаете? – Ну, я могу, есть книжки. Книжки есть, но я, так вот, чтобы... – А когда Вы учились в институте, Вы читали по-шорски? – Ну, нам задавали переводы, конечно, мы читали, переводили. Когда преподавала тоже* (Н.П., в, 2).

Семейное общение уже не может обеспечить и устойчивость навыков говорения на шорском языке: Хотели бы, чтобы внуки учили шорский язык? – Ну, конечно. Ну, и с детьми мы вот, э-э, отдельные слова вот сидим, кушаем. Ну, шорские вот, я им так, так, говорю. Ну, это непостоянно, это же опять, это скажешь – они вроде как помнят. Потом какое-то время проходит – они забывает. Потому что общаются чисто на русском (А.Д., с, 2). Шорский изучается в центрах культуры, слабо поддерживаясь в естественной языковой среде, что отмечается нашими собеседниками: Поэтому так и получилось, что вот половина молодёжи не знает у нас своего языка. Вот щас вот есть факультативы, да так подобное... Но это же факу...факультативно, как говорится, всё это не выучишь. – Ну да, конечно. – Это так, чуть-чуть, слегка. Они поверхностно тока знают. Девчонки устраиваются щас у нас в центр шорской культуры, у нас тут в посёлке есть. И туда и даже и молодёжь щас идёт, и ребяташки, и уже даже взрослые некоторые, которые вообще не знают своего языка, тоже ходят. То есть желание овладеть своим языком всё-таки есть, это хорошо (З.И., с, 2).

Как было отмечено, этот тип билингвизма может быть охарактеризован как учебный: молодое поколение шорцев изучает родной язык в центрах культуры, старательно осваивая лексику и фонетику языка, проводником в мир родного языка становятся не родители и уже не бабушки и дедушки, а учителя и руководители творческих коллективов: А я заставляю детей, чтоб каждое слово они правильно говорили. Повторяем много раз, прежде чем они выучат песни. То есь я работаю над дикцией, и над, ну, как говорится, заставляю овладевать я... родным языком (З.И., с, 2). В настоящее время центры культуры становятся местом изучения шорского языка и представителями среднего поколения: Шорский язык я, этот, когда, в общем, это, ходила в ансамбль, учила как иняз, этот вот, ага. Шорский, этот, песни, этот вот. Вроде читаешь – всё ясно, этот вот, но в голове не укладывается, этот вот, ага (Г.М., с, 2).

Понимая значимость владения русским языком как основы социальной реализации, успешности, современные шорцы выводят из этой линии владение шорским языком. Только отдельными собеседниками владение родным языком отмечается в качестве условия профессиональной реализации, обычно это связано с учебой на национальном отделении Новокузнецкого педагогического института, с работой в центрах культуры и образовательных учреждениях, что отмечается и теми, кто оценивает ситуацию «со стороны»: *Ну, если взять интеллигенцию: во – интеллигент, интеллигенция, как-то они [языки] помогают продвигаться* (М.Н., н, 3).

4 Шорский язык как маркер этнокультурной идентичности

Таким образом, на рубеже веков происходит еще один трансфер шорского языка: из бытового общения в художественную коммуникацию. Пространство родного языка становится для шорцев средством поддержания традиций народного творчества и в то же время пространством собственного художественного самовыражения: *Когда, может, этот, я ходила в шорский ансамбль, этот вот, и у меня был песенник, этот, песни мы, этот, писали, потом здесь, этот, ФРТ было, потом газеты: «Красной Шории» или «Курьер» там печатали шорским, строка, этот, был, этот вот. Угу (Г.М., с, 2); Вы стихи пишете? – Да, эта, и эта их надо же это писать на... еще переводить на русский язык – Вы на шорском пишете? – Я на шорском языке пишу, и это, шоб переводить, надо адекватно переводить и красиво переводить, а у меня, это, русский язык очень хромает. (С.Г., в, 2); ... у нас есть поэтесса Арбачакова Любовь Никитишина, вот, Тудегешева Татьяна... Татьяна Васильевна... – Татьяна Васильевна? – Вот. Пишут они стихи... на своём и на русском языках (Е.Н., в, 2). Родной язык становится основным пространством художественного творчества, где фольклорные тексты соседствуют с новыми, написанными нашими информантами, что является одним из стимулов и условий поддержания практики письма на родном*

I N T E R F A C E

языке: *Да, читать и писать можем. Да, вот у нас, мы же пишем песни свои на шорском языке. – То есть вы их записываете, да? – Слова, да. .... что не сложно, потому что...ээ...мы же, мы пишем свои песни пишем, так как выговариваем, так и пишем так. Буквы такие же, просто...* (К.Г., с, 2).

Функциональное выдвижение художественной коммуникации является одной из причин усиления статуса родного языка в качестве одного из маркеров национальной идентичности. Эта функция шорского языка актуализуется не только теми, кто владеет языком в качестве материнского, но и теми, кто обретает его в качестве второго: *А шорский – родной язык? Родной? – Шорский – родной. Я, как, считается, чистая шорка, просто там родители жили. – Значит... возраст, в котором вы начали говорить на русском, – это с рождения, да? – Угу. – А шорский с какого? – Ну, давайте лет с восемнадцати уже осознанно* (З.И., с, 2).

Осознание значимости данной функции является причиной создания художественных коллективов, общественных организаций и – главное – вовлечения в них детей с раннего возраста: *У меня...вот они [внуки], мы поём, мы на своём поём, и они запоминают и...ну как это, мы реп... мы на репетиции ходим, и они тоже подпевают тоже* (К.Г., с, 2); *... я стараюсь переводить мультфильмы, такие вот поучительные ... для детей чтобы они, я ... работала еще, преподавала факультативы на шорский язык детям, ... но я привлекала сюда детей, которых я вела, они мне то есть озвучивали мультик, это было очень интересно, есть такие, даже могу показать. – Ну и детям, наверно, интересно. – Конечно, дети с удовольствием, прямо, я буду, я буду, я буду, а я же, то есть вот слышу кто правильно произносит. Вот, ну также вот бывало, что дет... сочинила я одну песенку. – На шорском? – На шорском, ага, вот ездили выступить ...* (Р.С., с, 3); *А, ну, приготовил, по-моему, шорский мультфильм у нас Уртегешев Николай Сергеевич. Вот он действительно шорские, сам сочинил или из нарисованных делал мультики. А вот у нас ещё пока такого*

здесь нет, но уже около тридцати мультиков уже, переведённых есть на шорский язык (М.А., в, 2).

Актуализация национального самосознания способствует возвращению к родному языку и в семейном воспитании: *Ну вот, то в Кемерово, то сюда привезут его [внука]. Так он знает, кто такие шорцы, что у шор..., у шорцев есть своя культура. Мы учим его нашей культуре, языку, стараемся, но и рассказываем. Для начала я вот, когда им начали про шорцев-то говорить, он же не знал, что он – шорец, да чё... (М.А., в, 2).* Значимость обращения к языку как культурному коду этноса на ранних этапах становления личности подчеркивается нашими собеседниками: *Вот когда именно период созревания, когда у человека формируется характер, это до 6 лет ребенок, я думаю, вот в этом плане язык хорошо помогает, в каком плане... человек, когда начинает, ээ растормаживает мозг познанием чего-то, познанием мира через русский язык, допустим, познанием, э, на.. на шорской земле невозможно, почему, потому что на русском языке вот когда говоришь, отождествление мира идет совсем другое (И.А., нв, 2).*

Вследствие этого мотивом возвращения современных детей в пространство родного языка, по мнению наших собеседников, становится не только идея поддержания этнической идентичности, но и осознание освоения такого пространства в качестве одного из вариантов общего разнонаправленного развития ребенка: *У меня, этот, Женька до одиннадцатого класса ходила в шорский кружок. А Наташка, Лилька в то время, я не знаю, то ли было кружок, то ли не было, этот вот ... наверное, не было, поэтому они не ходили. Вот Женька, этот, успела. Женька и Лерка, внучка. А те я не знаю, то ли ходят в кружок, то ли нет. Я знаю, они оба ходят, которые не лыжи вот такие, как... сноуборд (Г.М., с, 2).* Знание родного языка видится и условием более органичного вхождения ребенка в специфические пространства других языков: *Ну, так я своим детям всегда говорила, когда они были маленькие, то есть что будете знать свой язык шорский, вам все языки поддадутся (Е.Н., в, 2); Да, да. А чё-то я вот и думаю, что его [трехлетнего*

сына] надо билингвом... Ну, чтобы... Там же потом легче будет английский язык, другие языки... Ну, вот я пытаюсь, как филолог. – А, почему шорский? – Ну, это родной язык, почему бы... и нет?... Хотя он, получается, по национальности будет принадлежать... как по традиции он будет принадлежать к кумандинцам, но... пусть будет шорский, там сильно различий нету (Т.А., в, 1).

В размышлениях наших респондентов язык предстает не только в качестве маркера этнического единства, но и свидетельства включенности шорцев в макрокультурное единство тюркоязычных народов. Шорский язык в размышлениях наших собеседников предстает органично вписанным в систему лингвистической непрерывности: варьируясь, сохраняет единство и включается в тюркский языковой мир: ...А потом там два диалекта же у нас: кондомский и мразский. И разные слова встречаются, звуки даже. С алтайцами если у нас как-то еще сложнее, а шорский, он, казалось бы, а есть еще мразский диалект и кондомский (З.И., с, 2); У нас здесь... вот, например, здесь ... деревня Суета есть, они тоже шорцы, но у них язык другой. Вот. В сторону Кабырзы, за Таштаголом там – у них тоже друг..., они шорцы тоже. У них тоже язык другой. Ну, и это..., и другие есь. Т... Кумандинцы есь и это... ну, всякие-всякие есь. Много. И вот, у них языки все разные (М.Н., н, 3).

Пространство родного языка позволяет осознать единство тюркского макроэтноса, в размышлениях наших респондентов идея культурного и языкового единства может сопровождаться выдвиганием одного из компонентов – культурного, например, в рассуждениях о праздниках: Чыл-нажи, то есть «рождение года». ... Потом, значит, летом шачиг ... А вот когда мы одновременно казахи... ой, тюркоязычные народы, это, алтайцы, телеуты, хакасы, затем вот... ну, татары, конечно, к нам присоединяются, потому что мы все тюркского...на... на... это... тюркского звания все, народы эти, и мы одновременно когда делаем все эти вот праздники, то это идет как бы всё к небу (З.И., с, 2); или языкового, в размышлениях о схожести прежде всего лексического состава:

Казахи, я тоже улавливаю вот, когда они, вот зять у меня, когда в гости в Казахстан приезжали, они начинали говорить с дедом, я уши на остро держу. “Амарат, я-то понимаю, – говорю, – чё говоришь ты”. Которые слова я уловлю (Н.Н., с, 2).

Осознание этой включенности шорцев через посредство языка в обширный тюркоязычный мир является еще одним стимулом к сохранению языка и культуры, по мнению наших собеседников: Хотели бы Вы лучше владеть шорским языком? – Да, да. – И для чего? – Для общения. С другими народами тюрской группы. Вот так можно, тюрской группы именно. Потому что там же языки же понимаешь. Они разговаривают когда. .. У них, например, «бир», у нас «тир». У них и... у них «еде», у нас тоже «еде», они говорят «уч», а у нас «уш» (Н.П., в, 2).

Обзор размышлений современных шорцев о судьбе родного языка, доминантой которых все же является надежда на продолжение жизни родного языка в условиях резкого сужения функций, был бы неполным без представлений и другой позиции, которая представлена единично, но все же была обозначена – последовательно нигилистическое отношение к возможности восстановить и сохранить даже в редуцированном объеме функциональность шорского языка. Приведем фрагмент интервью: Хотите ли вы, чтобы в школе преподавали шорский язык? – А кому щас преподавать уже? Кому? – По-моему, важно владеть этим языком? – Конечно, свой язык надо знать. – Хочу, чтобы дети, внуки говорили на этом языке? – Не, уже они уже не будут говорить. Они и не хотят. – Этот язык имеет хорошие перспективы? – Не, он никакой перспективы. – Этот язык помогает найти хорошую работу? – А где её найдёшь? – Этот язык помогает мне чувствовать мою принадлежность к народу, говорящему на этом языке? – Сейчас какая принадлежность? Щас никто уже не говорит. – Этот язык помогает в получении образования? – Нет, конечно. – Помогает в самореализации? – Нет, нет. – Забываю, теряю этот язык? – Да, да, теряю. – Перечислите культуры, с которыми вы себя идентифицируете, оценив по шкале от одного до десяти

степень своей идентичности. Ну, вот русская культура? – *Русская, конечно.* – И шорская? – *Да, у нас щас шорской культуры вообще нет, ... вообще. Щас токо вот русская, всё* (Г.П., с, 3).

5 Заключение

Таким образом, основной вывод, к которому мы пришли в результате анализа направленных интервью и свободных бесед: в рефлексиях современных шорцев ярко прорисовывается стремительное перемещение шорского языка из средства внутриэтнической коммуникации в позицию маркера этнической идентичности. Начиная с 30-х гг. XX в. прослеживается смена системы коммуникации от шорско-русского раннего естественного билингвизма к русско-шорскому учебному билингвизму, при котором шорский язык является вторым, изучаемым на факультативных школьных курсах или в центрах культуры, а материнским – русский язык. Современный шорский язык может быть охарактеризован как херитажный язык, язык семейного общения лишь для небольшого количества шорцев. Статус родного языка опирается на выполнение шорским языком функции маркера этнической принадлежности.

Литература

- Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
- Marian, V., Blumenfeld, H.K., Kaushanskaya, M. (2007). "The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals". *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50, 4, 940-967.
- Азимов, Э.Г., Щукин, А.Н. (2018). "Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии". *Вопросы лексикографии*, 14, 5-23.
DOI: 10.17223/22274200/14/1; URL: http://journals.tsu.ru/lex/&journal_page=archive&id=1766&article_id=39487
- Артёменко, Е.Д., Буб, А.С. (2019). "Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири". *Русин*, 56, 294-311; DOI: 10.17223/18572685/56/18; URL: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=1886&article_id=42579
- Всероссийская перепись населения 2010. "Федеральная служба государственной статистики". Проверено 27 июля 2020 года, из https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf
- Ермоленкина, Л.И., Костяшина, Е.А. (2013). "Коммуникативно-языковые механизмы формирования этнокультурной идентичности в дискурсивном пространстве Интернета. Вестник Томского государственного университета". *Культурология и искусствоведение*, 3 (11), 5-15. URL: http://journals.tsu.ru/culture/&journal_page=archive&id=927
- Казакевич, О.А. (2006). "Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края)". *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, 3 (44), 221-231.
- Карасик, В.И. (2004). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва: Гнозис. 477 с.
- Кожемякина, В.А., Колесник, Н.Г. и др. (2006). *Языковая ситуация. Словарь социолингвистических терминов*. Москва:

- Отв.ред. В.Ю. Михальченко. 312 с.
- Куруленко, Э.А., Нефёдова, Д.Н. (2015). "Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности". *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 17, 1, 231-234
- Малахов, В.С. (2000). "Идентичность". *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 2. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Председатель науч.-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль. URL: http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/41_Novaya_filosofskay
- Резанова, З.И. (2012). "Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии". *Вестник Томского государственного университета*, 375, 33-41.
- Резанова, З.И., Темникова, И.Г., Некрасова, Е.Д. (2018). "Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие)". *Вестник Томского государственного университета*, 56-68. DOI: 10.17223/15617793/436/7
- Силантьев, И.В. (2006) *Газета и роман: Риторика дискурсивных смещений*. Москва: Языки славянской культуры.

[received July 29, 2020
accepted October 21, 2020

